

Любовь

Медведева



## ПО-КАЗАЧЬИ ПЛАТОК ПОВЯЖУ...

### СИЛА КАЗАЧЕСТВА

1

В нас неправедных все еще прячется  
Разудалая сила казачества.

Если пляска – до самой зари,  
если песня – душа наизнанку,  
так что сердце неделю горит,  
не от водки, от доброй гулянки.

Перегной, чернозем и золу  
наши щедрые руки ласкали,  
чтоб хлеба поспедали к столу,  
мужиков ожидая, вздыхали.

Муж-то вечно у нас на войне,  
на далеком тяжелом походе,  
время родов и сева подходит,  
дом на бабьей широкой спине.

Та же в нас красота и замес.  
Хоть с ружьем,  
хоть с конем,  
хоть с телегой  
управляемся, муж-то в разбегах,  
а детишки горазды поесть.

Мужиков-мастеров ухлестало  
время долгой безумной байги.  
И с молитвой «Господь, помоги!»  
тешем бревешки мало-помалу.



Нищета не сбежит от беды:  
вытрешь слезы и стон пересилишь.  
Из казачества выжили мы лишь.  
Сколь парней полегло молодых!

То война, то чума, то тюрьма.  
Как болезных спасешь от напасти?  
Так уж душу пластаешь на части,  
ломишь спину с темна до темна.

## 2

Казаки же на самом краю,  
на ударной горячей позиции.  
Надзирают в ночи за границею,  
днем походные песни поют:

– Широка наша вольная степь,  
реки чистые шумные, резвые.  
Неуёмна, как песня над бездною,  
несгибаема русская крепь.

Одолеем крутой перевал,  
мы окрепли в тревогах и тяготах.  
За кордоном видны уже пагоды,  
за спиной седоков Кара-тал.

Тальники, тальниковые заводи,  
рыбка плещется у бережка.  
Казака обжигает тоска:  
дом родной на алеющем западе.

Солнце падает.

Ночь пережди –  
на походе удалая конница!  
Вновь небесные двери откроются –  
и тревожные дни впереди.

## 3

Не поется. Пытай – не пытай –  
комом в горле заветное слово!  
А бывало, несло через край,  
соловей разливался соловый...

Самый звонкий мотив выбирай,  
пой, родная, за чашкою чая,  
немотой не томи, не карай,  
песня грешного, отчего края!

И, впрысядку по лугу пройдясь,  
и лебедушкой – возле овина,  
песня, чуешь ли кровную связь:  
все – взахлёб, а не наполовину?

Петь так петь, чтобы слезы текли,  
и, тоской обжигаясь дремучей,  
вызвать щедрое сердце земли,  
самой горестной, гордой и лучшей.

А когда захлестнет – не дыши!  
Чтоб душа не разбилась на части,  
в захолустье, в родимой глуши,  
грянет хохот гармонии горластой.

Прочь наплывы любовной тоски!  
Для того небеса раскачали,  
чтобы доски прогнув, каблук  
разметали былые печали.

Сквозь смешную частушку беда  
вдруг проглянет –  
и странным ознобом  
опалит твою душу... Тогда  
спеть тягучую песню попробуй.

То-то славная песня в тиши  
зацветает кудрявой рябиной!  
Долговечный мотив ворошит  
звон просторов ни в чем не повинных.

Сколько нас не терзай пустотой  
бестолковой визгливой эстрады,  
всходит Песня волною густой –  
животворная русская правда.

## ПО-КАЗАЧЬИ ПЛАТОК ПОВЯЖУ

### 1

По-казачьи платок повяжу,  
я же в маму – казачка упрямая.  
Путь богат мой буграми да ямами.  
Перебраться бы через межу.

Через воды и через наделы,  
через пламенный чертополох

я – в платочке, как исповедь, белом:  
дух отваги во мне не заглох.

Пусть дороги ухабистей не было,  
буду топать да песенки петь.  
Перед бедами, перед небылью  
вскину мамино слово «стерпеть!»

Стянут жизни неласковый жгут.  
Не сдаюсь – и беда отступает.  
Пусть пространство тревоги пластают,  
по-казачьи платок повяжу!

## 2

*Казаку – Илье Кулёву*

Разминулись мы лет на сорок.  
По соседним улицам шли.  
Это дым родной –  
горький морок –  
милым встретиться не велит.

Только кто теперь разберется,  
просияли мы или нет...  
Неуемное сердце – солнце –  
разливает тревожный свет.

Вечер в зеркале листьев влажных,  
в глубине – светлячком звезда.  
Город хмурится многоэтажный:  
неприветливы города.

Но однажды на вольной воле –  
в малнарымской скупой степи –  
мы услышим, как птицы молят:  
отпусти, печаль, отступи...

## 3

По мне пальто и душу – нараспашку,  
а если наглеца хлестать,  
то дерзко, яростно, с казачью отмашкой,  
дородную оправдывая стать.

И, волосы в тугой пучок свивая,  
в лицо смеяться луковой судьбе.  
Я, битая, у жизни отбиваю  
немного счастья близким и себе.

Не все слезами, милый, умываться,  
рассвету радуюсь,  
пусть из последних сил.  
Гуляет солнце над слоистым сланцем,  
и ветер тучи ниже опустил.

Полнеба плотно застелили тучи,  
но резкий ветер их прогонит прочь.  
Мы разные, и это даже лучше,  
всегда в обнимку ходят день и ночь.

## 4

*А. Ф.*

Было – было! Отрубила  
перетянутый канат.  
Ты не помнишь. Я забыла.  
И никто не виноват.

Небо спелое прольется,  
зыбко в городе весной.  
Никому не удастся  
долго мучиться со мной.

Можно слушать прибаутки  
и лететь вдвоем в постель:  
просто слабости минутка,  
просто пьяным был апрель.

Но медовая улыбка  
притаилась на губах:  
было сладко, было зыбко,  
ветер нежностью пропах.

Было? Было... вешний ветер  
в сердце просится опять.  
Сам не будь теперь доверчив:  
походя могу обнять,

Невзначай плечом задену,  
мельком брошу острый взгляд.  
Лепестков уносит пену  
ветер юности назад.

## 5

Я знаю, как горечь терпения копят  
И краткий мерцающий сон.

Кому-то был нужен мой маленький опыт  
вхожденья в огонь.

Опять сотрясает ознобом и жаром  
всю ночь напролет,  
ослепшее пламя, я знаю, недаром  
к сознанию льнет!

Но в уши и губы вторгается слово –  
ещё не пора!  
Нешадное пламя отныне готово  
со мною играть.

Не страшно шагнуть за пределы горенья –  
исчезнуть в огне.  
Ни стопа. Ни крика.  
Отвага терпенья  
за это даруется мне.

## КОННЫЙ ОТРЯД

Резвые кони в знойной степи  
взвильсь – не удержать.  
Повод сжимая, не уступи:  
кони в порыве дрожат.

Рядом бежит жеребец вороной,  
красный уносит меня.  
И ударяет ветер шальной  
в грудь молодого коня.

Сердцу навстречу нежный огонь –  
заполыхали жарки.  
Сквозь задыхание чувствует конь  
всплески знакомой реки.

И, не касаясь цветущей земли,  
конь переходит в намет.  
Чует прохладную воду вдали  
и над жарками плывет.

Красный проносится пулей шальной,  
не отстает вороной.  
Жаркая сеча – у нас за спиной,  
Радость –  
в станице родной.

По-над горою синеют дымки,  
попридержи-ка коней!  
Скачут с военной страды казаки  
сорок томительных дней.

Соколом вольным в небе парит  
бравая песня ребят.  
Сильные воины, богатыри –  
конный казачий отряд.

## МАМЕ

### 1

Ты меня научила  
думать о малых сих:  
ласточках острокрылых,  
бабочках голубых.

Ты меня научила  
горе свое скрывать,  
взявши иглу и шило,  
валенки починять.

Ты меня поднимала  
с коленок у края рва.  
И, ни много, ни мало –  
я покуда жива.

### 2

Через чурочку перемахну...  
Чур меня, лешаки и кикиморы!  
Я могу умереть и не вымерить  
тургусунский нехоженный лес.

Я могу умереть – и не выслушать  
Малнарымки речной разговор,  
из кедровых подарков не вылущить  
ядра истины кряжистых гор.

Чересчур во мне жжения осени,  
даже нынче, когда холода  
заступают на тропы раскосые,  
запускают в Нарым невода.

Через реченьку светит Чирочек,  
где-то дальше шумит Чиркаим.

В дебрях сны лешаков-одиначек,  
в дебрях ветер невообразим.

Чур меня,  
лихолетье глухое!  
Через чурочку перемахну,  
через горестный хруст сухостоя.  
И дыханье покоя глухое  
полной грудью навеки вдохну.

1999

## ЛИХОЙ НОРОВ

### 1

Распластала война гражданская  
семьи саблями пополам.  
Мы по свету белому странствуем,  
как ни молимся, лихо нам.

Были белыми, стали красными:  
кровь на сбруе и на руках...  
Сны о родине, сны прекрасные  
потонули в степных цветах.

Смело красные вместе с белыми  
порубали вишневый сад.  
Перестроили,  
переделали,  
разнесли вековой уклад.

Тошно русскому за границею –  
захлестнула петлей тоска.  
И душа улетает птицею  
дом отеческий отыскать.

### 2

Расправив кисти нарядной шали,  
взмахнула лихо –  
и поплыла,  
да так, что клены затанцевали.  
Казачка вскинула два крыла!

Так бусы гроздьями зазвенели,  
как будто грянули колокола.  
В пляс юбки пестрые полетели –  
родная улица расцвела.



Вздохнула улица:  
«Хорошо нам!» –  
когда казачий распелся хор.  
Напев старинный ведет Ершова  
от Иртыша и до края гор.

Никто не знает такой упорной:  
хоть шашку в руки –  
и прямо в бой!  
Коль уродилась она в Предгорном,  
идет всем бедам наперебой.

И, как лебедушка, вскинув крылья,  
поет и в небо зовет подруг.  
«Товарки» в «Любушке» воспарили,  
им отозвались поля вокруг.

## 3

У родины полынный вкус,  
плодовый запах Рая.  
Моя душа впадает в Русь,  
в Сибирь Иртыш впадает.

Гористый и степной простор  
прошит навывлет болью.  
И беркут крылья распростер  
над нашей судьбою.

Мы – часть России навсегда,  
но держимся веками  
за дорогие берега:  
вросли корнями в камни.

Казачьим норовом сильны,  
крепки суровым духом.  
Мы – боевой заслон страны,  
при нас она не рухнет.

Царям служили и властям  
народных комиссаров.  
Когда простой народ восстал,  
богатым дали жару.

Пока не пробили отбой,  
не прогремели трубы  
за Родину кидаться в бой,  
хранить свободу любо!

## ПРАВЕДНЫЙ СВЕТ

*Свято-Покровскому храму*

1

Мы горазды устроить любимым разгром,  
разговор превращая в дознание.  
Ложь и ненависть можно учуять нутром:  
пахнут плесенью на расстоянье.

Только легче не видеть, не думать, не знать...  
Мы живем, зацелованы ложью.  
Но взрываются фразы, как связки гранат, –  
рушит семьи  
лихое безбожье.

Но смертельную истину ведает Бог –  
и от правды нельзя отвертеться.  
А трагической жизни внезапный итог  
остановит уставшее сердце.

Как трагедию ни разделяй на куски,  
на тяжелые рваные части,  
не открестись от бесконечной тоски,  
из медвежьей не вырвешься пасти.

И душа на разрыв,  
и страна на разлом!  
Храмы вдосталь рыдают над нами.  
И сражаются ангелы с каменным злом  
так, что плаваются тяжкие камни.

2

Храм возносится в небо руками людей,  
на кресты собирают по нитке.  
И рыдает от крестного света злодей,  
от молитвенной радостной пытки.

Так помалу, неспешно, по воле Христа,  
в небесах запоет колоколья,  
отверзая рекущие правду уста –  
и душа хорошеет неволью.

Так законом становится праведный свет  
и словами церковные стены,  
где в помине сусального золота нет,  
только солнечный блеск неизменный.

Вновь в молитвенном месте исходят лучи  
от рябины, от стен деревянных.  
Приходи – и лечись, и любимых лечи  
светом истины вечно желанной.

От ступени к ступени ступать веселей.  
А внутри веет духом сосновым.  
Обновленной души для людей не жалей:  
храм для ласковых сердцем основан.

В светлый праздник от самых ворот до реки  
сладко дышит трава луговая.  
И монашек крестящим движеньем руки  
возрастать над землей помогает.

---

*Любовь Георгиевна Медведева родилась в Усть-Каменогорске, которому отдано полвека ее трудовой деятельности: работала заведующей профсоюзной библиотеки «Алтайэнерго», занималась тележурналистикой, была ведущей радиоклуба «Наша стая», руководила творческими студиями и литературным объединением «Феникс». Ее стихи, рассказы, сказы, очерки о творчестве земляков публиковались в казахстанских и российских журналах «Медный всадник», «Братина», «Звезда на память», «Аманат», «Простор», «Нива» и других.*

*В первых самиздатовских сборниках девяностых, как в зеркале, отразилось «время счастья» поэта, четыре года семейной жизни в Экибастузе (сб. «Солончаковая земля») и время жестоких для страны и для каждой человеческой судьбы перемен (сб. «Камнепад», «Лиловое пламя»). Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств, член Союза писателей России Любовь Медведева – автор книг «Сказы гор и степей» и мемуаров «Картонный калейдоскоп», а также сборников стихов и поэм: «Письма на лепестках сна», «Сокровенное солнце», «Речная речь», «Мгновение вечности», «Радосте моя», «Книга-птица» и др. Новые книги – сказки для детей и взрослых, легенды, повывальщины, поэмы, лирические и ироничные стихи выходят в свет в нынешнем, юбилейном для поэта 2022 году.*

***Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет Любовь Медведеву, своего давнего постоянного автора, со знаменательным юбилеем, желает крепкого здоровья, благополучия, творческих успехов и новых, полных природной гармонии и неукротимой жизненной силы стихов!***

